

М. А. Живлов

УРАЛЬСКИЕ ИСТОКИ ХАНТЫЙСКОГО АБЛАУТА (I)¹

Как предположил Е. А. Хелимский, парадигматические чередования корневых гласных в хантыйском – аблаут – являются результатом воздействия на первый слог гласных второго слога, впоследствии частично выпавших. Хелимский предложил внутреннюю реконструкцию этих гласных – триггеров аблаута *I, *II, *U и *AA, но их уральские истоки остаются неясными. Цель данной статьи – установить уральское происхождение одного из этих триггеров – морфемы *I. Убедительные внешние параллели имеются для двух аффиксов, содержащих эту морфему. Аффикс локативных прилагательных *-I имеет соответствия в мансийском, пермских и самодийских. На прауральском уровне он может быть реконструирован как *-ji. Коаффикс посессивных форм терминов родства *-I- обнаруживает параллели в марийском, удмуртском, венгерском и селькупском. Для прауральского можно предположить существование особой серии посессивных окончаний терминов родства, отличавшихся от обычных посессивных окончаний наличием коаффикса *-j- в формах 1 и 2 лица.

Ключевые слова: уральские языки, обско-угорские языки, историческая фонетика, реконструкция морфологии, прауральский.

Свойственное хантыйским языкам/диалектам² парадигматическое чередование гласных в именных и глагольных корнях (аблаут) резко выделяет их на фоне большинства других уральских языков. Аблаут сохраняет продуктивность только в восточнохантыйском, однако в западнохантыйском имеются его реликты, позволяющие с уверенностью утверждать, что аблаут может быть восстановлен для прахантыйского.

Хантыйский аблаут удобно описывать, пользуясь заимствованным из индоевропеистики термином «ступень аблаута». Этот термин объединяет разные морфологические позиции, в которых гласные «ведут себя одинаково». Описание хантыйского аблаута у Штейница (Steinitz, 1950: 33–47) осложнено тем, что он не употребляет этого термина, а рассматривает чередования различных гласных поодиночке и вне связи друг с другом. В прахантыйском можно выделить три ступени аблаута, которые мы обозначим как А-ступень, U-ступень и I-ступень. А-ступень можно рассматривать как морфонологически исходную, так как в ней различаются все гласные, в то время как в U-ступени и I-ступени некоторые гласные совпадают. Аблауту подвержены в основном именные и глагольные основы следующих типов: 1. CVC, 2. CVCC (начальный C может быть и нулевым). Во втором из этих типов конечный кластер, оказавшись в ауслауте или перед согласным, разбивается с помощью редуцированного гласного: CVCC > CVCəC (кластер, состоящий из носового согласного и гомоорганного смычного или аффрикаты, не подвергается разбивке).

В словоизменении ступени аблаута распределены следующим образом. В именах U-ступень выступает в притяжательных формах единственного числа (кроме терминов родства, см. ниже), во всех остальных формах выступает А-ступень. В глаголах U-ступень выступает в перфекте, I-ступень в императиве, а А-ступень – в остальных формах. Аблаут также играет

¹ Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 18-012-00833 «Динамика фонетических и грамматических систем обско-угорских языков».

² Мы не употребляем термина «хантыйский язык», т.к. фонологические, морфологические и лексические различия между различными разновидностями этого «языка» едва ли меньше, чем различия между, например, тюркскими языками. Поскольку, однако, определение точного числа языков, которые можно выделить в хантыйском диалектном континууме, не входит в задачи настоящей работы, мы будем далее говорить о хантыйских языках/диалектах, хантыйских идиомах или о разновидностях хантыйского.

существенную роль в хантыйском словообразовании. Прахантыйский³ аблаут можно представить в виде следующей таблицы.

А-ступень	a	ä	ı	u	i	ü	ā	ō	ā̄	ō̄	ı̄	ū	ī	ǖ
U-ступень	o	e	ı̄	u	i	ǖ	ō	ō̄	ē	ō̄	ı̄	ū	ī	ǖ
I-ступень	ı̄	i	ı̄	u	i	ǖ	ı̄	ū	ī	ǖ	ı̄	ū	ī	ǖ

В правосточнохантыйском краткие гласные среднего подъёма совпадают с краткими гласными нижнего подъёма, а долгие гласные среднего подъёма – с долгими верхнего подъёма. Кроме того, *ä в определённых позициях переходит в *ö, а *a всегда переходит в *o. В результате этих изменений на правосточнохантыйском уровне аблаут выглядит следующим образом:

А-ступень	o	ä	ö	ı	u	i	ü	ā	ō	ā̄	ō̄	ı̄	ū	ī	ǖ
U-ступень	o	ä	ö	ı̄	u	i	ǖ	ū	ū̄	ī	ǖ	ı̄	ū	ī	ǖ
I-ступень	ı̄	i	i	ı̄	u	i	ǖ	ı̄	ū	ī	ǖ	ı̄	ū	ī	ǖ

Дальнейшие фонетические изменения привели к тому, что в восточнохантыйских языках аблаут выглядит следующим образом:

Аблаут в тремьюганском⁴ говоре сургутского хантыйского

А-ступень	ö	ǎ	ǒ	ǎ	ö	ě	ǒ	ǎ	o	ǎ	e	ı̄	u	i
U-ступень	ö	ǎ	ǒ	ǎ	ö	ě	ǒ	u	u	i	i	ı̄	u	i
I-ступень	ǎ	ě	ě	ǎ	ö	ě	ǒ	ı̄	u	i	i	ı̄	u	i

Аблаут в ваховско-васюганском хантыйском

А-ступень	o	e	ö	ǎ	ö	ě	ǒ	a	o	ǎ	ö	ı̄	u	i	ü
U-ступень	o	e	ö	ǎ	ö	ě	ǒ	u	u	i	ü	ı̄	u	i	ü
I-ступень	ǎ	ě	ě	ǎ	ö	ě	ǒ	ı̄	u	i	ü	ı̄	u	i	ü

Проблема происхождения хантыйского аблаута давно привлекает внимание исследователей. Было выдвинуто несколько гипотез. Так, В. Штейниц полагал, что хантыйский аблаут представляет собой архаизм, сохранённый из уральского праязыка. Нетривиальные соответствия гласных между уральскими языками объяснялись им как результат обобщения различных ступеней аблаута в разных подгруппах. Л. Хонти выдвинул гипотезу о диссимилятивном происхождении аблаута в посессивных формах имени, не объясняющую, впрочем, происхождения аблаута в глагольных парадигмах. Наиболее убедительной представляется гипотеза Е. А. Хелимского о хантыйском аблауте как умлауте, то есть о происхождении чередования гласных в первом слоге в результате влияния гласных второго слога на первый (Helimski, 2001). Последовательное применение принципа внутренней реконструкции к хантыйскому материалу позволило Хелимскому реконструировать морфемы второго слога, вызывающие чередования гласных в корне. Вслед за Хелимским мы будем называть их триггерами аблаута.

Хелимский восстанавливает следующие триггеры, условно обозначенные им заглавными буквами: *I, *II, *U, *AA. В нашей терминологии морфемы *I, *II и *AA вызывают появление I-ступени аблаута в корне, морфема *U – появление U-ступени.

³ Мы пользуемся реконструкцией прахантыйского, предложенной в работах (Живлов, 2006а; Живлов 2006b). См. там же таблицы фонетических соответствий между хантыйскими языками/диалектами.

⁴ Современное название – тромаганский.

Однако гипотеза Хелимского оставляет нерешённым вопрос об уральских истоках реконструированных для раннепрахантыйского состояния триггеров аблаута. Попытке частично решить этот вопрос и посвящена настоящая работа. В данной статье, представляющей собой первую часть планируемой работы, мы ограничимся вопросом о происхождении дохантыйского *I. Происхождение остальных триггеров аблаута мы надеемся рассмотреть во второй части.

Выявление уральских истоков реконструированных Хелимским триггеров аблаута подразумевает этимологическое отождествление аффиксов, содержащих эти триггеры, с родственными им аффиксами других уральских языков и реконструкцию их прототипов в прауральском. Такое отождествление, однако, затруднено преобладающим в уралоистике подходом к реконструкции праязыковой морфологии. В большинстве работ, посвящённых морфологической реконструкции прауральского, аффиксы различных дочерних языков сравниваются только по фонетическому принципу при почти полном игнорировании их функций и семантики. Одинаково или схоже звучащие аффиксы с разными функциями, как правило, отождествляются без специального обоснования (Helinski, 2009). Очевидно, однако, что фонетические соответствия в аффиксах, как и в корнях, могут устанавливаться только на функционально/семантически сходных морфемах. Если сами соответствия неясны (а в случае с морфонемами, фонетическая интерпретация которых неочевидна, это заведомо так), нельзя опираться на них при установлении родства между аффиксами разных уральских языков.

Можно выделить четыре случая, в которых восстанавливается морфонема *I: 1) прилагательные, образованные от локативных имён, 2) отыменные имена, 3) отглагольные имена и 4) посессивные формы терминов родства. Рассмотрим сначала примеры на каждый из этих случаев, а затем – их возможные уральские истоки.

1. Прилагательные образуются от локативных имён с помощью суффикса, который в морфонологической записи можно представить как *-I. На поверхностном уровне это нулевой суффикс, наводящий на корень I-ступень аблаута. Исходная ступень аблаута сохраняется в локативных именах с различными падежными аффиксами, в частности, аффиксом локатива *-n. Ср. следующие примеры названий хантыйских диалектов⁵:

ПХ *nōm- в *nōm-ən ‘наверху’ : V Vj. *nōtən*, VK Vart. Likr. Mj. Trj. J *nomən*, Irt. Ni. Š Sy. *numən*, Kaz. *noṁən*, O *nomən*

→ до-ПХ *nōm-I > ПХ *nūm ‘верхний’ : V-Vj. Vart. Likr. Mj. Trj. J *num*, Ni. Š Kaz Sy. *nūm*, O *num* (DEWOS: 988–990) (приводимое там же Irt. *num* вместо ожидаемого *nūm – результат выравнивания аблаута).

ПХ *kōm- в *kōm-ən ‘снаружи’ : V Vj. *kōtən*, VT VK Vart. *kōmən*, Likr. Mj. Trj. J *kemən*, Irt. *kāmən*, Ni. Š Kaz. Sy. *kaṁən*, O *kāmən*

→ до-ПХ *kōm-I > ПХ *kūm ‘наружу, наружный’ : V-Vj. Vart. *kūm*, Trj. *kim-*, J *kim*, Irt. *kim*, Ni. Š Kaz. Sy. *kīm*, O *kim* (DEWOS: 636–637).

2. Суффикс *-I, омонимичный предыдущему, образует отыменные имена со значением ‘сходный с X-ом, имеющий отношение к X-у’.

ПХ *jāŋk ‘лёд’ : V Vj. *jōŋk*, VK *jōŋk*, Vart. *jōŋk*, Likr. Mj. Trj. J *jāŋk_o*, Irt. Ni. Š *jeŋk*, Kaz. *jeŋk*, Sy. *jek*, *jeŋk-*, O *joŋk* (DEWOS: 391–392)

→ до-ПХ *jāŋk-I > ПХ *jiŋk ‘вода’ : V-Vj. Vart. Likr. Mj. Trj. J, Irt. *jəŋk*, Ni. Š Kaz. *jīŋk*, Sy. *jīk*, *jīŋk-*, O *jiŋk* (DEWOS: 387–390).

ПХ *lōj ‘палец’ : V *loj-*, VT *loj*, Vj. VK *joj*, Mj. Trj. J *loj* (в формах DT, KoP Ts. *tūj*, Ni. Š *tūj*, Kaz. *lūj*, Sy. *lūj*, O *luj* корневой вокализм выровнен по производному)

⁵ Сокращения названий хантыйских диалектов даются по DEWOS, мансийских диалектов – по WW.

→ до-ПХ *L₅j-I > ПХ *L₁j ‘напёрсток’ : V VT *luj*, Vj. *juj*, Trj. J *luj*, DN *tüj*, DT Kr. *-tüj*, Ni. *-tüj*, Kaz. *-l₁j*, O *luj* (DEWOS: 719–720).

ПХ *tān ‘калым’ : V Vj. *tān*, Trj. J *tān*, Irt. *tān*, Ni. Š, Kaz. *tan*

→ до-ПХ *tān-I > ПХ *t₁n ‘цена’ : V-Vj. Likr. Mj. Trj. J Irt. *tin*, Ni. Š Kaz. *t₁n*, O *tin* (DEWOS: 1442–1444).

ПХ *wāč ‘город’ : V-Vj. Vart. Likr. Mj. *wač*, Trj. J *wāč*, DN Fil. KoP Koš. *woš*, KoP, Kr. *woč*, Ni. Š Kaz. Sy. *wāš*, O *was*

→ до-ПХ *wāč-I > ПХ *w₁č ‘межа’ : J *w₁č*, Fil. *wiš*, KoP Kr. *wič*, Ni. Š Kaz. Sy. *w₁š* (DEWOS: 1552–1553, 1555; Aikio, 2015: 17–18).

Хелимский рассматривает эти имена как субстантивацию прилагательных и отождествляет данный суффикс с предыдущим (Helimski, 2001). Айкио пишет о симилятивной функции суффикса (Aikio, 2015, 17). Точка зрения Хелимского представляется более вероятной. В случае ‘воды’ легче представить себе субстантивацию прилагательного (‘ледяная вода’ > ‘вода’), чем развитие типа ‘нечто похожее на лёд’ > ‘вода’. Ещё более очевидно это для слова ‘напёрсток’.

3. Ещё один суффикс вида *-I образует отглагольные имена со значением действия или инструмента (Zhivlov, 2014: 117). Этот суффикс, по всей видимости, нужно рассматривать как этимологически отличный от двух предыдущих.

ПХ *k₅γ₁- ‘бегать, шагать’ : V Vj. *k₅γ₁-*, Trj. J *koγ₁-*, Irt. *χοχ₁-*, Ni. Š *χух₁-*, Kaz. *χοχ₁-*, Sy. *χух₁-*

→ до-ПХ *k₅γ₁-I > ПХ *k₁γ₁- ‘бер’ : Trj. *kuγ₁-* (DEWOS: 457).

ПХ *kānt-эм- ‘взвалить на спину’ : V-Vj. Vart. Likr. Mj. *kantəm-*, Trj. *kāntəm-*, Irt. *χontəm-*, Ni. *χ₁nuam-*

~ до-ПХ *kānt-I > ПХ *k₁nt ‘кузов’ : V-Vj. Vart. Sur.: Likr. Mj. Trj. J Pim *k₁nt*, Irt. (DN KoP Kr. ua.) *χent*, Ni. Š Kaz. *χ₁nt*, Ni. также *χ₁nt* (DEWOS: 516–517).

ПХ *kat₁- ‘рассветать’ : V Vj. *ko₁ṭ-*, Trj. J *kō₁ṭ-*, Irt. Ni. Š *χutt₁-*, Kaz. *χο₁ṭ₁-*, Sy. *χut₁-*, O *χο₁ṭ₁-*

→ до-ПХ *kat₁-I > ПХ *k₁ṭ₁- ‘день, солнце’ : Likr. *kāt₁*, Mj. Trj. J *kāt₁*, Irt. *χāt*, *χāt₁-*, Ni. Š *χāt₁*, Kaz. *χāt₁*, Sy. O *χāt₁* (вокализм форм V Vj. *ko₁ṭ*, VK *kot₁*, Vart. *kot₁* выровнен по производящему глаголу) (DEWOS: 571–574).

ПХ *lāl-эм- ‘вдохнуть; вздыхать’ : VT *lāləm-*, Vj. *lāləm-*, Trj. J *lāləm-*, KoP Kr. *tātəm-*, Ni. *tātəm-*, Kaz. *lāləm-*, O *lāləm-*

~ ПХ *lāl-t- ‘дышать’ : V Vj. *lält-*, Trj. *lā₁ṭ-*, DN *tätt₁-*, Kr. KoP *tāt-*, Ni. *tatta* (Inf.), Kaz. *lā₁ṭ-*, Sy. *lalt-*, O *lält-*

~ пре-ПХ *lāl-I > ПХ *l₁l ‘дыхание, дух, душа’ : V-Vj. *lil*, Likr. *ḡiḡ*, Vart. Mj. Trj. J *lil*, Irt. *tit*, Ni. Š *t₁l*, Kaz. *l₁l*, Sy. *l₁l*, O *lil* (DEWOS: 749–751).

4. Последний рассматриваемый здесь случай – посессивные формы терминов родства. Притяжательные показатели всех остальных имён начинаются с морфемы *U: 1 л. ед.ч. *-Um, 2 л. ед.ч. *-Un и т. д. В формах единственного числа предмета принадлежности *U, находясь в позиции сразу после корня, вызывает U-степень аблаута корневого гласного. В формах двойственного и множественного числа предмета принадлежности между корнем и притяжательным аффиксом стоит показатель числа, поэтому корневой гласный не меняется. Ср. следующий пример:

ПХ *kāt ‘дом’ > V Vj. VK Vart. Likr. Mj. *kat*, Trj. J *kāt*, Irt. *χot*, Ni. Š Mul. Kaz. Sy. *χot*, O *χat*

→ до-ПХ *kāt-Um > ПХ *kōt-эм ‘мой дом’ > V Vj. Mj. Trj. J *kutəm*

(DEWOS: 565–568).

Притяжательные показатели терминов родства, напротив, начинаются с морфемы *I, наводящей I-степень аблаута:

ПХ *kāl₁γ ‘внук, внучка’ : V-Vj. *kal₁γ*, Vart. Mj. *kal₁γ*, Likr. *kaḡ₁γ*, Trj. *kāl₁γ*, (вокализм форм Irt. *χet₁*, Ni. Š *χ₁t₁*, Kaz. *χ₁li*, Sy. *χ₁li*, O *χ₁li* выровнен по посессивным формам)

→ до-ПХ *kāl₁γ-Im > ПХ *k₁l₁γ-эм : V VK *k₁l₁γ₁em*, Vj. *k₁l₁γ₁em*, Mj. *k₁l₁γ₁em*, Trj. *k₁l₁γ₁em* (DEWOS: 475–476).

ПХ *ṣp ‘тесть’ : Trj. *op*, J *op*, Fil. Ts. *ip* (вокализм форм Mj. *ip*, Trj *ip*, DN Кош. Kr. Sog. Тш. *ip*, Ni. Š Kaz. Sy. *ip*, O *ip* выровнен по посессивным формам)
→ до-ПХ *ṣp-Im > ПХ *čp-эм ‘мой тесть’ : Trj. *ipэм*, J *ipэм*, DN Kr. Sog. *ipэм*, Kaz. *ipэм*, O *ipэм* (DEWOS: 145).

*U и *I в хантыйских посессивных парадигмах можно условно обозначить как коаффиксы, соответственно, обычных имён и терминов родства.

Рассмотрим теперь возможные внешние соответствия хантыйских аффиксов с морфемой *I в других уральских языках. Здесь данные по разным разобранным выше аффиксам неравноценны.

Происхождение показателя отглагольных имён *-I едва ли может быть установлено прежде, чем мы выясним, чему именно в других языках должна соответствовать хантыйская морфонема *I. Дело в том, что практически в каждом уральском языке функционируют несколько показателей отглагольных имён, и выбор, с каким из них сравнивать хантыйский *-I, во многом оказывается произвольным. Так, А. Айкио возводит до-ПХ *lāl-I ‘дыхание’ к прауральскому *lewli-w (> фин. *löyly* ‘пар’), выводя, таким образом, *-I из ПУ *-Vw (Aikio, 2015: 15). В то же время в финском имеется и суффикс отглагольных имён -i < ПУ *-Vj, ср., например, фин. *muisti* ‘память’ от *muistaa* ‘помнить’.

Следовательно, мы должны сосредоточить внимание на двух случаях: адъективном суффиксе *-I и коаффиксе терминов родства *-I-. Показатель отыменных имён *-I мы, вслед за Хелимским (Helimski, 2001), будем рассматривать как исторически тождественный адъективному суффиксу *-I. Поскольку адъективизатор *-I присоединяется к локативным именам, следует прежде всего рассмотреть аффиксы, образующие прилагательные от локативных имён в других уральских языках.

Прямая параллель реконструируемому для хантыйского аффиксу делокативных прилагательных *-I обнаруживается в прамансийском, где эту функцию выполняет суффикс *-ī/-ī̄. Ср. рассмотренные выше ПХ *nōm-эн ‘наверху’ и пре-ПХ *nōm-I > ПХ *nūm ‘верхний’ с их мансийскими когнатами:

ПМ *num-эн ‘наверху’ : KU nōmэн, KM nōmэн, KO P LO So numэн,
ПМ *num-ī̄ ‘верхний’ : TJ nōmē̄, LO So numi (WW: 504–505).

В коми суффикс -i образует прилагательные от локативных имён: *vil-i* ‘верхний’ от *vij* ‘верх’, *ul-i* ‘нижний’ от *uv* ‘низ’ (Лыткин, 1955: 172). Родственный суффикс имеется и в удмуртском: *vil-i* ‘верхний’ от *vil* ‘верх’ (УРС: 150), *ul-i* ‘нижний’ от *ul* ‘низ’ (УРС: 689–690). На прапермском уровне можно реконструировать суффикс *-i, что позволяет уточнить уральский прототип данной формы: прапермский гласный *i непервого слога восходит к прауральским сочетаниям вида *Vj. Так, пермский показатель прошедшего времени *-i- (Серебренников, 1963: 251–253) восходит к сочетанию конечного гласного основы с прауральским показателем прошедшего времени *-j-, который надёжно реконструируется благодаря рефлексам в прибалтийско-финских и саамских языках.

К сравнению также можно привлечь тундровые ненецкие суффиксы локативных и темпоральных прилагательных -y° и -i°: *p'i-y°* ‘ночной’ от *p'i* ‘ночь’, *təŋ-i°* ‘летний’ от *təŋ* ‘лето’ (Nikolaeva, 2014: 43–44). Эти же суффиксы образуют атрибутивные формы послелогов (восходящих к локативным именам): *ŋil-i°* ‘нижний’ от *ŋil°* ‘под’ (Nikolaeva, 2014: 52). Тундровые ненецкие суффиксы -y° и -i° восходят к прасамодийским *-jэ и *-эjэ соответственно. Таким образом, прауральский показатель локативных прилагательных можно восстанавливать как *-ji (гласный перед *j исторически относится к корню).

Рассмотрим теперь коаффикс притяжательных форм терминов родства. В известных нам работах по реконструкции прауральской морфологии не восстанавливается особая серия притяжательных показателей для терминов родства. В то же время обращение к данным дочерних языков показывает, что такая серия в прауральском была.

В марийском посессивные формы единственного числа обладателя от имён, оканчивающихся на согласный или прамарийский редуцированный гласный, можно представить в виде следующей таблицы (по Alhoniemi, 1993: 72–73):

	луг. мар.		горн. мар.	
	<i>βūt</i>	<i>keće</i>	<i>βət</i>	<i>kečə</i>
	‘вода’	‘день; солнце’	‘вода’	‘день; солнце’
1 sg.	<i>βüdem</i>	<i>kečem</i>	<i>βədem</i>	<i>kečem</i>
2 sg.	<i>βüdet</i>	<i>kečet</i>	<i>βədet</i>	<i>kečet</i>
3 sg.	<i>βütsö</i>	<i>kečäže</i>	<i>βətsə</i>	<i>kečəža</i>

Однако термины родства имеют несколько иные формы 1 и 2 лица единственного числа обладателя (по Alhoniemi, 1993: 72–73):

	луг. мар.		горн. мар.	
	<i>erye</i>	<i>čüčü</i>	<i>eryə</i>	<i>čəčə</i>
	‘сын’	‘дядя’	‘сын’	‘дядя’
1 sg.	<i>eryəm</i>	<i>čüčüm</i>	<i>eryəm</i>	<i>čəčəm</i>
2 sg.	<i>eryəč</i>	<i>čüčüč</i>	<i>eryəc</i>	<i>čəčəc</i>

Эти формы отличаются от обычных наличием редуцированного гласного вместо полного *e* (*ü* второго слога в луговом марийском слове ‘дядя’ – результат ассимиляции редуцированного гласным первого слога) и палатализации согласного в окончании второго лица: вместо *-t* в них выступает луг. *-č* и горн. *-c*, восходящие к прамарийскому **-č*. Такие же особенности свойственны марийскому I претериту, ср. отличие форм 1 и 2 лица единственного числа презенса и I претерита на примере лугового марийского глагола I спряжения *purəš* ‘кусать’ (по Alhoniemi, 1993: 105):

	презент	I претерит
1 sg.	<i>puram</i>	<i>purəm</i>
2 sg.	<i>purat</i>	<i>purəč</i>

Марийский I претерит восходит к прауральскому прошедшему времени на **-j-* (Alhoniemi, 1993: 106). Можно предполагать, что и для особой серии посессивных показателей в терминах родства следует восстанавливать коаффикс **-j-*, предшествующий личным окончаниям.

Этот вывод подтверждается данными удмуртского языка, где в северных и средних диалектах имена *bubi* ‘отец’, *aji* ‘отец’ и *tumi* ‘мать’ имеют особые посессивные формы с окончаниями 1 л. ед.ч. *-i*, 2 л. ед.ч. *-id*, 3 л. ед. ч. *-iz* вместо обычных *-e/-ed/-ez* или *-i/-id/-iz*: *bub-i* ‘мой отец’, *tum-id* ‘твоя мать’, *aj-iz* ‘его/её отец’ (Перевошиков, 1962: 83). Как мы уже видели выше, прапермский **i* непервых слогов, к которому восходит удмуртский *i*, продолжает уральские сочетания вида **Vj*.

Следы особой серии притяжательных показателей в терминах родства находятся и в венгерском (Abondolo, 1998: 438). Ср. посессивные формы обычных слов, оканчивающихся на гласный, и терминов родства:

	<i>munka</i>	<i>apa</i>
	‘работа’	‘отец’
1 sg.	<i>munkám</i>	<i>apám</i>
2 sg.	<i>munkád</i>	<i>apád</i>
3 sg.	<i>munkája</i>	<i>apja</i>
1 pl.	<i>munkánk</i>	<i>apánk</i>
2 pl.	<i>munkátok</i>	<i>apátok</i>
3 pl.	<i>munkájuk</i>	<i>apjuk</i>

В третьем лице в терминах родства отсутствует гласный *á/é*, имеющийся в других лицах и в непритяжательной форме (сокращение этого гласного на конце слова регулярно). Это отсутствие не предсказывается правилами исторической фонетики венгерского и должно иметь морфологическое объяснение. Как мы уже видели выше, надёжным показателем того, как в данном уральском языке отражаются праязыковые сочетания гласного и *j, являются рефлексы уральского прошедшего времени на *-j-. В венгерском его рефлексом является устаревшие формы повествовательного прошедшего времени с суффиксом *-á/é-* (Майтинская, 1976: 397). Можно предположить, что *-á/é-* в терминах родства – рефлекс сочетания конечного гласного корня с коаффиксом *-j-, видимо, изначально отсутствовавшим в формах 3-го лица.

Наконец, рефлексы особой серии посессивных показателей сохраняются и в селькупском. В тазовском селькупском «существительные эсу "отец" и эту "мать" образуют посессивные формы 1 и 2 л.л. от основ *äsä-* и *ämä-* соответственно» (Кузнецова, Хелимский, Грушкина, 1980: 186). Здесь нерегулярны гласный *ä* второго слога вместо ожидаемого *a* и вызванная им перегласовка в первом слоге. Данная особенность слов ‘отец’ и ‘мать’ имела уже в праселькупском, ср. условные общеселькупские (фактически праселькупские) формы в словаре Алатало: *emä* ‘мать’, посессивная основа *emä-* (SelkW: 12) и *esä* ‘отец’, посессивная основа *esä-* (SelkW: 40). По всей видимости, гласный *ä* второго слога восходит здесь к сочетанию конечного гласного корня и коаффикса терминов родства *j.

Таким образом, для прауральского можно реконструировать особую серию посессивных аффиксов, употреблявшихся в терминах родства. От обычных посессивных аффиксов эта серия отличается наличием коаффикса *j перед окончаниями 1 и 2 лица: 1 sg. *-j-mi, 2 sg. *-j-ti.

Итак, по крайней мере в двух рассмотренных случаях восстановленная Хелимским морфонема *I восходит к прауральскому сочетанию гласного и *j.

Происхождение других триггеров хантыйского аблаута будет рассмотрено во второй части данного исследования.

Список литературы:

- Живлов М. А.** К вопросу о реконструкции обско-угорского вокализма // Аспекты компаративистики. Выпуск 2 Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности. / под ред. А. В. Дыбо и др. – Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2006а. – С. 281–309.
- Живлов М. А.** Реконструкция праобско-угорского вокализма. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. – Российский государственный гуманитарный университет, 2006б.
- Кириллова Л. Е.** Удмуртско-русский словарь: Около 50 000 слов / под ред. Л. Е. Кириллова. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2008.
- Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В.** Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. [Москва]: Издательство Московского университета, 1980.
- Лыткин В. И.** Современный коми язык. Учебник для высших учебных заведений. Часть первая: фонетика, лексика, морфология. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1955. – 312 с.
- Майтинская К. Е.** Сравнительная морфология финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков) / под ред. В. И. Лыткина, К. Е. Майтинской, К. Редеи. – Москва: Наука, 1974. – С. 214–382.

- Майтинская К. Е.** Венгерский язык // Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. – Москва: Издательство «Наука», 1976. – С. 342–414.
- Пенгитов Н. Т.** Современный марийский язык. Морфология / под ред. Н. Т. Пенгитова : Марийское книжное издательство, 1961.
- Первощиков П. Н.** Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология / под ред. П. Н. Первощикова. – Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1962. – 376 с.
- Серебренников Б. А.** Историческая морфология пермских языков. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1963.
- Abondolo D.** Hungarian // The Uralic Languages Routledge Language Family Descriptions. / под ред. D. Abondolo. – London; New York: Routledge, 1998. – С. 428–456.
- Aikio A.** (*Luobbal Sámmol Sámmol Ánte*). Studies in Uralic Etymology IV: Ob-Ugric Etymologies // *Linguistica Uralica*. 2015. – Т. LI, № 1. – С. 1–20.
- Alhoniemi A.** Grammatik des Tscheremissischen (Mari). Mit Texten und Glossar. – Hamburg: Helmut Buske Verlag, 1993. 254 с.
- DEWOS = **Steinitz W.** Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. – Berlin: Akademie-Verlag, 1966.
- Helimski E.** Ablaut als Umlaut im Ostjakischen: Prinzipien und Grundzüge der lautgeschichtlichen Betrachtung // *Fremd und Eigen: Untersuchungen zu Grammatik und Wortschatz des Uralischen und Indogermanischen, in memoriam Hartmut Katz.* – Wien: Edition Praesens, 2001. – С. 55–76.
- Helimski E.** József Györke, Toivo Lehtisalo und einige Fragen der samojedischen etymologischen Derivationslehre // *Tanár és tanítvány: írások Györke József és Hajdú Péter tiszteletére, 2002-2007 Studia Linguistica.* / под ред. É. Fancsaly. – Budapest, Pécs: Dialog Campus Kiadó, 2009. – С. 52–63.
- Nikolaeva I.** A Grammar of Tundra Nenets. – Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2014.
- SelkW = **Donner K., Sirelius U.T., Alatalo J.** Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo / под ред. J. Alatalo. – Helsinki: Finnisch-Ugrische Gesellschaft, 2004.
- Steinitz W.** Geschichte des ostjakischen Vokalismus. – Berlin: Akademie-Verlag, 1950.
- WW = **Kannisto A.** Wogulisches Wörterbuch / под ред. A. Moisió. – Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 2013.
- Zhivlov M.** Studies in Uralic vocalism III / Вопросы языкового родства // *Journal of Language Relationship.* – 2014. – Т. 12. – С. 113–148.

Живлов Михаил Александрович, кандидат филологических наук, доцент (РГГУ), старший научный сотрудник (ВШЭ).

Российский государственный гуманитарный университет.

Миусская площадь, 6, Москва, Россия, 125993.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Ул. Мясницкая, д. 20, Москва, Россия, 101000.

E-mail: zhivlov@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 21.12.2018 г.

M. A. Zhivlov

THE URALIC ORIGIN OF THE KHANTY ABLAUT (I)

According to a hypothesis put forward by E. A. Helimski, the paradigmatic alternation of root vowels (ablaut) in Khanty results from the influence of second syllable vowels, themselves partially lost already in Proto-Khanty. Helimski's internal reconstruction of these vowels – ablaut triggers *I, *II, *U and *AA – is convincing, but their Uralic origins remain unknown. The purpose of the present article is to investigate the origins of one of these vowels – the ablaut trigger *I. This vowel is found in four suffixes: 1) a suffix deriving adjectives from local nouns, 2) a suffix of denominal nouns, 3) a suffix of deverbal nouns, and 4) coaffix of possessive forms in kinship terms. The locative adjective suffix and the possessive coaffix have reliable counterparts in other Uralic languages. The locative adjective suffix *-I has cognates in Mansi, Permian, and Samoyedic. These cognates allow us to reconstruct the Proto-Uralic locative adjective suffix as *-ji. The coaffix of the possessive forms in kinship terms *-I- has parallels

in Mari, Udmurt, Hungarian, and Selkup. We can suppose that Proto-Uralic had a distinct series of possessive affixes for kinship terms, that differed from usual possessive affixes by having attached a coaffix *-j- before 1st and 2nd person markers.

Key words: *Uralic languages, Ob-Ugric languages, historical phonology, morphological reconstruction, Proto-Uralic.*

References:

- Zhivlov M. A.** K voprosu o rekonstrukcii obsko-ugorskogo vokalizma [Towards a reconstruction of the Ob-Ugric vocalism] // *Aspekty` komparativistiki. Vy`pusk 2 Orientalia et Classica: Trudy` Instituta vostochny`x kul`tur i antichnosti.* / Ed. A. V. Dy`bo et al. – Moskva: Rossijskij gosudarstvenny`j gumanitarny`j universitet, 2006a. S. 281–309. (in Russian)
- Zhivlov M. A.** Rekonstrukciya praobsko-ugorskogo vokalizma [A reconstruction of the Proto-Ob-Ugric vocalism] // Ph.D. Diss. Rossijskij gosudarstvenny`j gumanitarny`j universitet, 2006b. (in Russian)
- Kirillova L. E.** Udmurtsko-russkij slovar`: Okolo 50 000 slov [An Udmurt-Russian dictionary: about 50 000 words] / Ed. L. E. Kirillova. – Izhevsk: UIIYaL UrO RAN, 2008. (in Russian)
- Kuzneczova A. I., Xelimskij E. A., Grushkina E. V.** Oчерки po sel`kupskomu yazы`ku. Tazovskij dialekt [Studies in Selkup language: The Taz dialect]. [Moskva]: Izdatel`stvo Moskovskogo universiteta, 1980. (in Russian)
- Ly`tkin V. I.** Sovremenny`j komi yazы`k. Uchebnik dlya vy`sshix uchebny`x zavedenij. Chast` pervaya: fonetika, leksika, morfologiya [Modern Komi language: a handbook for colleges. Part 1: Phonetics, vocabulary, morphology]. – Sy`kty`vkar: Komi knizhnoe izdatel`stvo, 1955. – 312 s. (in Russian)
- Majtinskaya K. E.** Sravnitel`naya morfologiya finno-ugorskix yazы`kov [Comparative morphology of Finno-Ugric languages] // *Osnovy` finno-ugorskogo yazы`koznaniya (voprosy` proisxozhdeniya i razvitiya finno-ugorskix yazы`kov)* / Ed. V. I. Ly`tkin, K. E. Majtinskaya, K. Rédei. – Moskva: Izdatel`stvo «Nauka», 1974. S. 214–382. (in Russian)
- Majtinskaya K. E.** Vengerskij yazы`k [Hungarian] // *Osnovy` finno-ugorskogo yazы`koznaniya. Marijskij, permskie i ugor-skie yazы`ki.* – Moskva: Izdatel`stvo «Nauka», 1976. – S. 342–414. (in Russian)
- Pengitov N. T.** Sovremenny`j marijskij yazы`k. Morfologiya [Modern Mari language: Morphology] / Ed. N. T. Pengitov.: Marijskoe knizhnoe izdatel`stvo, 1961. (in Russian)
- Perevoshnikov P. N.** Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazы`ka. Fonetika i morfologiya [A Grammar of modern Udmurt: phonetics and morphology] / Ed. P.N. Perevoshnikov. – Izhevsk: Udmurtskoe knizhnoe izdatel`stvo, 1962. – 376 s. (in Russian)
- Serebrennikov B. A.** Istoricheskaya morfologiya permskix yazы`kov [The historical morphology of the Permic languages]. – Moskva: Izdatel`stvo Akademii nauk SSSR, 1963. (in Russian)
- Abondolo D.** Hungarian // *The Uralic Languages Routledge Language Family Descriptions.* / Ed. D. Abondolo. – London; New York: Routledge, 1998. – S. 428–456.
- Aikio A.** (*Luobbal Sámmol Sámmol Ánte*). Studies in Uralic Etymology IV: Ob-Ugric Etymologies // *Linguistica Uralica.* – 2015. – T. LI, № 1. – C. 1–20.
- Alhoniemi A.** Grammatik des Tscheremissischen (Mari). Mit Texten und Glossar [Mari Language: A Grammar with texts and glossary]. – Hamburg: Helmut Buske Verlag, 1993. – 254 s. (in German)
- DEWOS = *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache [A dialectal and etymological dictionary of Khanty]. – Berlin: Akademie-Verlag, 1966. (in German)
- Helimski E.** Ablaut als Umlaut im Ostjakischen: Prinzipien und Grundzüge der lautgeschichtlichen Betrachtung [The ablaut as an umlaut in Khanty: The principles and basics of the historic-phonological analysis] // *Fremd und Eigen: Untersuchungen zu Grammatik und Wortschatz des Uralischen und Indogermanischen, in memoriam Hartmut Katz.* – Wien: Edition Praesens, 2001. – S. 55–76. (in German)
- Helimski E.** József Györke, Toivo Lehtisalo und einige Fragen der samojedischen etymologischen Derivationslehre [József Györke, Toivo Lehtisalo and some problems of the Samoyed derivational morphology] // *Tanár és tanítvány: írások Györke József és Hajdú Péter tiszteletére, 2002-2007* *Studia Linguistica.* / Ed. É. Fancsaly. – Budapest, Pécs: Dialog Campus Kiadó, 2009. – S. 52–63. (in German)
- Nikolaeva I.** A Grammar of Tundra Nenets. – Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2014.
- SelkW = *Donner K., Sirelius U.T., Alatalo J.* Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo [A Selkup Dictionary based on the notes of K. Donner, U. T. Sirelius, and Jarmo Alatalo] / Ed. J. Alatalo. – Helsinki: Finnisch-Ugrische Gesellschaft, 2004. (in German)

Steinitz W. Geschichte des ostjakischen Vokalismus [A history of the Khanty Vocalism]. – Berlin: Akademie-Verlag, 1950. (in German)

WW = *Kannisto A.* Wogulisches Wörterbuch [A Mansi dictionary] / Ed. A. Moisio. – Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 2013. (in German)

Zhivlov M. Studies in Uralic vocalism III // *Voprosy` yazy`kovogo rodstva / Journal of Language Relationship.* – 2014. – T. 12. – S. 113–148.

Zhivlov Mikhail Aleksandrovich, candidate of Philology.

Institute of Oriental and Classical Studies.

Russian State University for the Humanities.

Miuskaya sq. 6, Moscow, Russia, 125993.

Institute for Oriental and Classical Studies

National Research University Higher School of Economics.

St. Myasnitskaya, 20, Moscow, Russia, 101000.

Associate Professor (**Russian State University for the Humanities**).

Senior researcher (**Higher School of Economics**).

E-mail: zhivlov@yandex.ru